С.Н.Азбелев

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ РЮРИКА

Сведения о происхождении Рюрика находятся, как известно, в летописях. Точнее - в тех преданиях, какие летописями были отображены. Но есть и устные рассказы, записанные собирателями фольклора от народных исполнителей через тысячу и более лет. Этот материал, обычно не принимаемый во внимание историками, содержит иногда интересные дополнительные данные для решения некоторых вопросов. Однако первостепенное значение имеет, конечно, комплекс сведений, отобразившийся в тех преданиях, которые попали в самые ранние памятники летописания. Расширение круга таких источников позволяет внести новое в традиционные трактовки происхождения Рюрика.[1] Это может способствовать примирению противоборствующих концепций в одном из существенных вопросов так называемой варяго-русской проблемы, дискутируемой более двух столетий. Ей посвящены сотни исследовательских работ, значительная часть которых в той или иной степени связана с вопросом о происхождении Рюрика. Рассмотрение их в рамках этой статьи, естественно, невозможно: будут затронуты только важнейшие из трудов, непосредственно относящихся к теме.

Напомним коротко исходные сведения. Наиболее авторитетный из летописных источников - "Повесть временных лет" - сообщает о приглашении варяжского князя Рюрика представителями населения Северной Руси в 862 г. Он прибыл с двумя братьями. Сам Рюрик избрал своей резиденцией Новгород, брат его Синеус - Белоозеро, другой брат Трувор - Изборск. Через два года братья умерли, и Рюрик стал единодержавным правителем.[2]

Высказывалось не раз предположение, что имена братьев Рюрика образованы искусственно - в результате ошибочного восприятия летописцем фразы древнескандинавского языка, сообщавшей, что Рюрик прибыл "с родом своим и верной дружиной". Однако летописный текст не имеет следов перевода, а возведение имен братьев Рюрика к упомянутым словам "фонетически невозможно".[3] Кроме того, упомянутому предположению противостоит русский фольклор о князьях Синеусе и Труворе. Например, недалеко от Изборска предания о трех братьях записаны еще в 1937 г.[4] Неизданный летописный текст ХУП в. упоминает, что после прибытия князей "по двою лет умре Трувор в Изборске, а Синеус на Белоозере в Кистеме, оба же безчадны и оста един Рюрик...".[5] В данной связи академик А.А.Шахматов замечал, что "на Белоозере вспо-

минали о варяжском князе Синеусе; память о нем была жива еще в XVI столетии, когда указывали даже погост, где он сидел". А.А.Шахматов цитировал известную ему рукопись Кирилло-Белозерского монастыря, где "про Синеуса сказано, что он сидел "у нас на Кистеме"".[6] Что касается призвания и княжения Рюрика, то довольно обстоятельное предание об этом записал в Олонецкой губернии известный фольклорист Е.В.Барсов в XIX столетии. Оно повествовало, что князь Юрик приехал "из северной стороны" и "расποселился жить в Ладоге". Но "тут ему место не по люби, и приезжает он в Новгород Великий, и не с голыми рукама, и в союз вступает". Юрик понравился новгородцам, которые согласились сначала платить ему небольшую дань, а затем постепенно увеличили ее по просьбе князя Юрика, "и поныне помнят этого домового хозяина и в Северной украине, и в Олонецком крае, и в Новгороде".[7]

В "Повести временных лет" сообщено, что после смерти братьев Рюрик назначил своих наместников в крупные города северной Руси, а умер в 979 г. Этим, в сущности, исчерпываются ее известия о правлении Рюрика (если не считать сообщения о рождении сына Игоря незадолго до смерти отца). Такая скудость сведений, сообщаемых древнейшей летописью о деяниях основателя династии, делает закономерным предположение, что далеко не все I7 лет своего княжения Рюрик находился в пределах Русской земли.

В 1830-1840-х годах профессор Дерптского университета Ф.Крузе в ряде своих работ обосновал гипотезу, согласно которой князь Рюрик русских летописей тождествен знаменитому в свое время викингу, фрисландскому графу, а затем ютландскому герцогу Рорику. Деятельность его в западноевропейских источниках освещается с 826 по 873 год, но известия эти содержат хронологические лакуны, позволяющие полагать, что по временам Рорик находился на Руси, а не во Фрисландии, где он имел лен, полученный от императора, и не в Ютландии, где получил лен позже, после утраты Фрисландии. Рорик был приглашен управлять для того, чтобы оградить Фрисландию от грабительских наездов других викингов и успешно выполнял эту миссию. Известно, что он принял христианство. Позже, согласно русской летописи, Рюрик оказывается приглашен в сходной ситуации жителями Новгородской земли, которые незадолго до его избрания прогнали варягов, заставлявших платить им дань. В западных источниках нет известия о смерти Рорика. Но под 882 годом сообщено о наследовании его владений другим лицом, что согласуется с данными русской летописи о смерти Рюрика тремя годами

ранее.[8]

С еще большей основательностью и с опорой на более широкий круг источников эта гипотеза была обоснована Н.Т.Беляевым в труде, который увидел свет в 1929 г. в Праге на страницах весьма солидного, но недостаточно широко известного научного издания русской эмиграции. Обнаружилось, что нет препятствий для отождествления Рюрика Новгородского и Рорика Ютландского.[9] Тезис Беляева, что русские и западные источники сообщают об одном и том же историческом деятеле, был принят рядом специалистов - А.А.Васильевым, Г.В.Вернадским, Б.Д. Грековым, В.В.Мавродиным, Г.Пашкевичем, Б.А.Рыбаковым и другими.[10] Сравнительно недавняя попытка Х.Ловмяньского оспорить этот тезис в целом не удалась, хотя некоторые частные возражения были справедливы, о чем скажем далее. Проследив внимательнейшим образом по всем источникам биографию Рорика на Западе, Ловмяньский не смог заполнить в ней лакуны, которые естественно объясняются деятельностью Рюрика на Руси.[11] Автор последней монографии по варяго-русской проблеме Г.С.Лебедев солидаризировался с выводом о тождестве Рюрика и Рорика.[12]

Одним из самых значительных событий в дискуссии по варяго-русской проблеме явился двухтомный труд С.А.Гедеонова, изданный в 1876 г. Автор доказывал западнославянское происхождение призванных на Русь князей и само название варягов возводил к прибалтийским славянам.[13]

Гедеонов обратил внимание на то, что у западных славян сокол обозначался словом "рерик" и ставил в связь с этим родовой знак Рюриковичей, напоминающий изображение летящего сокола. Он указывал, что у вендов существовало племя, называвшееся "рерики", и был город Рерик (впоследствии - Мекленбург), а один из притоков Одры тоже имел название Рерик. Гедеонов отыскал и прямые свидетельства источников о существовании этой формы личного имени у славян: Псковская летопись упоминает о убиении польского воеводы Ририка, а имя Рерик встречается среди имен древнечешских родов, заседавших на богемских сеймах. Но это свидетельства сравнительно поздние - ХШ-ХУI столетий.

У раннесредневековых западных хронистов Гедеонов нашел сведения, что племена прибалтийских и полабских славян именовались по названиям их тотемов, причем племя ободритов или бодричей именовалось рериками. Вместе с тем, Гедеонов проследил и такую закономерность: личные имена вендских князей нередко соответствовали названию самого племени: у драговитов был князь Драговит, у вильцев -

князь Вильцан, у древан - князь Древан или Дерван. Соответственно - делает вывод Гедеонов - племенному прозванию "рерики" отвечает княжеское имя Рерик. Аналогичные параллели приводил автор и славянским названиям городов и названиям рек, совпадавшим с именами личными, из чего следует соответствие названий города Рерик и реки Рерик личному имени князя Рерика.[14]

Такой вывод был, однако, сделан лишь на основании умозаключений, выведенных из косвенных данных. В средневековых источниках не обнаружено упоминаний о князе Рерике у полабских или прибалтийских славян.[15] Но собранные Гедеоновым данные позволяют предполагать, что имя Рорик, известное по источникам только у двух членов ютландской династии и только в IX столетии (на протяжении полувека), было обязано своим появлением брачным союзам с представительницами правящей династии могущественного тогда государства бодричей. В этот период имели место союзные отношения их с ютландцами, направленные против общего противника - континентальных германцев. Уже А.Ф.Гильфердинг, первым основательно исследовавший историю балтийских славян, выяснил это обстоятельство с полной очевидностью. После смерти Карла Великого, при котором расширилось и усилилось государство бодричей, совместные с датчанами военные предприятия их против каролингской империи зафиксированы несколько раз - начиная с 817 и вплоть до 845 г.[16]

Концепцию Беляева и его предшественника Крузе несколько ослабляло отсутствие в привлекавшихся ими источниках реальной мотивировки обращения именно к Рорику Фрисландскому просьбы прибыть для управления Русской землей. Предположения Беляева относительно экономических стимулов, обусловленных особыми интересами тогдашних купцов Фрисландии в Северной Руси, источниками в достаточной мере не подкреплены. Как показал Ловмяньский, ни экономические связи, ни политические устремления фрисландцев и даже датчан в то время не простирались так далеко на восток Балтики. Здесь явное преобладание принадлежало тогда шведам.

У них, однако, не было политического деятеля с таким именем. Между тем, Рорик Фрисландский принадлежал к королевскому роду Скиолдунгов. Его политические интересы и его военные действия были сосредоточены в бассейне Северного моря, а не Балтийского. Став князем Северной Руси, он еще долго не переставал интересоваться своими западными владениями, чем и обусловлена скудость известий русских

летописей о деятельности Рюрика. По-видимому, на Руси он бывал в основном эпизодически и только последние годы жизни провел здесь полностью.

Расширив круг летописных источников, относящихся к призванию Рюрика, удается ответить на вопрос, остававшийся нерешенным: главная причина обращения именно к нему лежала не в экономической сфере и даже не в политической или военной, а в сфере династических интересов.

Долгое время историками почти не использовалась так называемая Иоакимовская летопись. Ее рукопись не сохранилась, но начальная часть этой летописи - в тех ее фрагментах, которые дополняли или корректировали сведения "Повести временных лет" - была переписана первым нашим историком В.Н.Татищевым и приведена в тексте его труда.[17] Многие историки позднейшего времени скептически относились к этому тексту - и не без некоторых оснований. Явно отредактированная кем-то уже в ХУП или ХУШ веке, эта летопись известия своих древних источников дополняла с привлечением сведений польских и западноевропейских историков ХУI-ХУП столетий, уснащавших свои труды, соответственно моде того времени, плодами этимологических домыслов. Все это находится во вводной части Иоакимовской летописи, которая, вместе с тем, несомненно, опиралась и на фольклорные источники, о чем свидетельствуют находящиеся там ссылки. В сущности, за вычетом некоторых имен и географических названий, нет реальных причин отказывать в доверии Иоакимовской летописи. Об этом справедливо писал в обстоятельном ее разборе Н.А.Лавровский еще около I40 лет назад.[18]

Основу рукописи, попавшей к Татищеву, составляет (это сказано в ее тексте) историческое сочинение первого новгородского епископа Иоакима Корсунянина, деятельность которого протекала здесь в конце Х и первой трети ХI века (он умер в I030 г.). К тому же составитель летописи говорит о себе в первом лице как о проповеднике христианства в Новгороде. События, связанные с крещением новгородцев, изложены в обстоятельном рассказе, который есть только в Иоакимовской летописи. Эти события таковы, что должны были оставить значительные вещественные следы на местности. Недавними раскопками в Новгороде они были обнаружены, и, соответственно, подтвердилась истинность уникального повествования Иоакимовской летописи. Об этом можно прочесть в статье руководившего раскопками академика В.Л.Янина.[19]

Рассказ о крещении новгородцев содержит и упоминание о фольклорных источниках - аналогично тому, как это имеет место в известиях

Иоакимовской летописи о событиях более ранних. Свидетелем таких событий епископ Иоаким не был. Но он, конечно, мог воспользоваться устными рассказами и даже историческими песнями, которые упомянуты в Иоакимовской летописи при описаниях этих более ранних событий. Оказалось, что уникальные сведения о них имеют ясные параллели в тексте достаточно давнего западноевропейского источника, который не мог еще быть известен ни редактору Иоакимовской летописи, ни самому Татищеву. Это так называемая Сага о Тидреке Бернском, записанная в Норвегии в XIII столетии, а опубликованная полтораста лет назад: здесь немало сведений, относящихся к древнейшей истории Русской земли и согласующихся в своей основе с соответствующими известиями Иоакимовской летописи.[20]

В самой же Иоакимовской летописи рассказывается, что инициатором приглашения Рюрика был княживший до него у новгородцев Гостомысл. Краткое известие об этом есть и в некоторых других летописях, но в них Гостомысл назван не князем, а старейшиной; имя его открывает собой и летописный перечень посадников Великого Новгорода. В этих летописях вообще нет речи о русских князьях, предшествовавших Рюрику, что естественно для памятников средневековой историографии, редактированных во времена правления Рюриковичей.

Исключение составляет Иоакимовская летопись, древний текст которой, как можно думать, уцелел до того времени, когда правила уже династия Романовых, и ослабли побудительные мотивы именно Рюрика считать первым князем на Русской земле.

В этой летописи сообщается о долго правившей славянской княжеской династии, последним представителем которой как раз и был Гостомысл. Для нас особенный интерес представляет излагаемое затем предание о его смерти и передаче княжения Рюрику: четыре сына Гостомысла погибли бездетными при жизни отца, когда его возраст уже не давал надежд на продолжение рода по мужской линии; но оставались три дочери; они были замужем и имели сыновей; Гостомысл, в соответствии с явившимся ему сновидением, завещал княжение сыну средней дочери, выданной за иноземного правителя; старейшины, исполняя его волю, пригласили на княжение Рюрика.[21]

Очевидно, это произошло далеко не сразу после смерти Гостомысла, ибо в "Повести временных лет" говорится, что на какое-то время власть захватили варяги, взимавшие дань, а после изгнания их начались внутренние раздоры, побудившие отправить послов к Рюрику и его братьям с хорошо известными словами: "Земля наша велика и обильна,

а народа в ней нету; да поидете княжит и владет нами".[22] По-видимому, за прекращением династии последовала смута, аналогично тому, как это произошло много позже - вслед за пресечением династии Рюриковичей.

Междупарствие продолжалось 18 лет. Такой вывод позволяют сделать западноевропейские хроники, которые сообщают о смерти Гостомысла в 844 году.[23] Еще полтораста с лишним лет назад академик Ф.И. Круг высказал мысль, что это тот самый Гостомысл, который упоминается в наших летописях.[24] Но хроники говорят о нем не в связи с Новгородом: речь идет о вторжении немецкого войска в земли славян и убиении их короля; это могли быть только западные, прибалтийские славяне. Одна из хроник уточняет, назвав их ободритами.[25] Кажущееся очевидным противоречие снимается, как только мы вспомним, что Рорик был графом во Фрисландии, герцогом в Ютландии и одновременно - князем на Руси. Гостомысл, естественно, мог быть не только князем в Новгородской земле, но и королем в земле бодричей. В этом случае вполне закономерно, что одна из дочерей его оказалась выдана за представителя династии Скиолдунгов, в союзную бодричам Ютландию.

Старшие члены семьи, в которой родился Рорик, были изгнаны оттуда в 813 г. и бежали к бодричам. Позже они прибыли к германскому императору, дабы вернуться при его поддержке. Войско его, вместе с войском бодричей в 815 г. отправилось в Данию.[26] Дальнейшие перипетии внутренней распри датчан для нас сейчас не важны. Но важно, что уже с 813 года существовало достаточно тесное содружество именно этой семьи с правителями бодричей. А Рюрик, согласно подсчетам Ф. Крузе, родился около 817 г.[27]

Нетрудно объяснить и то обстоятельство, что король бодричей Гостомысл был одновременно князем в Северной Руси. Несомненны ее многовековые исконные связи именно с западными, точнее - прибалтийскими славянами, откуда, очевидно, и происходила некогда основная часть славянского населения будущей Новгородской земли.

Как резюмировал сравнительно недавно В.В.Седов, "есть весьма серьезные основания" для "доказательства западного (вендского) происхождения славян новгородских". Подытоживая результаты, добытые в этой связи лингвистами и этнографами, он заключал: "Собранный к настоящему времени материал весьма обширен и свидетельствует о несомненной генетической связи древних новгородцев со славянскими племенами Польского Поморья".[28] Особенности же археологических находок в Новгородской земле можно объяснить "только предположением о про-

исхождении новгородских славян с запада, из Вендской земли".[29]

На таком фоне связи династические представляются более чем естественными. А династия, последним представителем которой был Гостомысл, насчитывала, по-видимому, несколько столетий, с чем согласуются данные Иоакимовской летописи, саги о Тидреке Бернском и некоторых других источников. Согласуются они и в том, что подвластная упомянутой династии территория некогда охватывала земли и восточных, и прибалтийских славян. Но это - уже особая тема, рассмотрение которой выходит за рамки данной статьи.

В ней мы попытались показать, в частности, что весьма давний спор - была ли династия Рюриковичей славянской или скандинавской - в сущности снимается, ибо ее происхождение оказывается славяно-скандинавским. Можно, впрочем, попытаться установить, какая из этих двух ветвей, сошедшихся в личности Рюрика, является более древней или более прославленной. Но здесь мы уже полностью вступаем в область генеалогии эпической, слабо засвидетельствованной документально и опирающейся по преимуществу на разрозненные материалы, восходящие к устнопоэтической традиции.[30]

Примечания

I В основе статьи - доклад автора, прочитанный 29 сентября 1992 г. в Петербурге на международной конференции "Генеалогия: Проблемы. Задачи. Перспективы".

2 См.: Шахматов А.А. Повесть временных лет. Т. I: Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916. С. 19-21. Так события изложены во второй редакции "Повести". Даваемый А.А.Шахматовым параллельно текст третьей редакции называет первым местопребыванием Рюрика Ладогу и сообщает, что по смерти братьев он перенес резиденцию в построенный им Новгород. До настоящего времени в Новгороде археологами не обнаружено слоев старше IX века. Продолжаются раскопки близлежащего Рюрикова Городища, о котором существует предание, записанное сто лет назад (см.: Бураковский С.З. Путеводитель по Новгороду и его окрестностям. Новгород, 1891. С. 119-120): "В двух верстах от города, на правом берегу Волхова, близ его истока, расположено так называемое Рюриково Городище. Здесь, как говорит предание, поселились славяне, пришедшие с юга, часть которых впоследствии, по причине увеличения населения, перешла несколько ниже и основала Новый город или Новгород. В Городище жили самые влиятельные из славян, вследствие чего здесь же поселился первый русский

князь Рюрик, когда призван был на княжение. Впрочем, никаких памятников не сохранилось на Городище, которые указывали бы на существование здесь дворцов или укреплений, и о пребывании здесь Рюрика говорят только предание да самое название местности".

3 Петрухин В.Я. Комментарий в кн.: Ловмяньский Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 275. Отвергаемое комментатором мнение разделял автор этой книги, изданной в русском переводе, а в оригинале опубликованной в 1957 г.

4 Записи хранятся в Литературном музее г. Тарту, произведены З.Жемчужиной в деревнях Велие и Подаренье. Полный текст одной из записей (EhAVene. Т. 13. С. 626-627): "В старину жили три князя: Рюрик, Синеус и Трувор. Часто Синеус ездил к Трувору в гости. А Трувор-то жил у нас, в Изборски. И посичас евоная могила на нашим кладбищи е. Так вот, ездил Синеус в гости на парусных лодках. Тогды наше озеро было рякой - Смолкой прозывалася. Йон и ездил по этой Смолки-то. Рюрик тож приезжал, встречали их на берегу славяны. Трувор прожил в нас недолго, ево змея в пригори укусила, йон и помер. Ня русский видь йон был, а какой-то варяг. Был высокова роста, лицо тонкое, горбоносый. Я-то сам не знаю, это мне все старики говорили, кагды я ат-те под стол пяшом ходил". Другая запись отображает легенду о неудачных попытках кладоискателей разрыть могилу Трувора в поисках драгоценностей: якобы уже откопали "золотой гроб", но испугались, и гроб исчез (Там же. С. 503-504). Предоставлением этих материалов я обязан В.В.Шмидт.

5 Российская национальная библиотека в Петербурге. Q.IV.216. Л. 14.

6 Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 312.

7 Барсов Е.В. Северные народные сказания о древнерусских князьях и царях // Древняя и новая Россия. 1879. № 9. С. 400-401.

8 См.: Крузе Ф.: 1) О происхождении Рюрика (преимущественно по французским и немецким летописям) // Журнал министерства народного просвещения (далее: ЖМНП). 1836. № 1. Отд. 2. С. 43-73; 2) О пределах Нормандии и названии норманнов и руссов // ЖМНП. 1839. № 1. Отд. 2. С. 15-77, а также другие его работы. Неотчетливо и мало аргументированно эта гипотеза была высказана ранее - см.: Голлман Г.Ф. Рустрингия, первоначальное отечество первого российского великого князя Рюрика и братьев его. М., 1819 (перевод И.Снегирева с немецкого изд. 1816 г.).

9 См.: Беляев Н.Т. Рорик Ютландский и Рюрик начальной летописи //

Seminarium Kondakovianum. Сб. статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием имени Н.П.Кондакова. Прага, 1929. Т. 3. С. 215-270. В том же издании В.А.Мошин напечатал рецензию на труд Беляева (1932. Т. 5. С. 334-338), содержавшую, среди прочего, возражения, которые были затем отведены в ответе Беляева (1933. Т. 6. С. 245-248).

10 См., например: Vernadsky G. Ancient Russia. New Haven, 1943. P. 337-339, 365-366; Греков Б.Д. Борьба Руси за создание своего государства. М.; Л., 1945. С. 50; Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 213; Vasiliev A.A. The Russian Attack on Constantinople in 860. Cambridge, Mass., 1946. P. 234-237; Paszkiewicz H. The Origins of Russia. London, 1954. P. 136-137; Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1982. С. 299.

11 См.: Ловмяньский Г. Рорик Фрисландский и Рюрик Новгородский // Скандинавский сборник. Таллин, 1963. Вып. 7. С. 221-249.

12 См.: Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 214.

13 См.: Гедеонов С. Варяги и Русь. Историческое исследование. СПб., 1876.

14 Славянские параллели были приведены Гедеоновым не только к имени Рюрика, но и к именам его братьев: Синеус имеет русские параллели Белоус, Сивоус и др.; Трувор - параллели Раковор, Гравор и др. Гедеонов предлагал свои реконструкции возможных исходных форм имен братьев Рюрика у прибалтийских славян и аргументировал предположения о том, каким путем эти формы приобрели тот вид, какой они имеют в русской летописи (см. с. 191-205 названного его труда).

15 В некотором отношении предшественником Гедеонова был Сигизмунд Герберштейн, посетивший Россию в 1517 и 1526 годах в качестве германского посла и оставивший свои знаменитые "Записки о Московии", изданные первый раз на латинском языке в 1549 г. Герберштейн, внимательно знакомившийся с русской летописью, пересказал в своей книге ее известие о призвании варягов Рюрика, Синеуса и Трувора. Но - не только пересказал, а и сопроводил собственным рассуждением: "По моему мнению, русским естественно было призвать себе государями вагров" (т.е. обитавших прежде в Северной Германии прибалтийских славян. - С.А.) - ибо так он сам расшифровал термин "варяги", поскольку "про варягов никто не мог сообщить" ему "ничего определенного, помимо их имени" (Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.

с. 60). Сочинение Герберштейна стало широко известно в Европе, особенно - в Германии: только до 1600 года вышло 20 изданий его, из них 9 - на немецком языке. Появились в печати пересказы и переложения сведений, восходивших к Герберштейну. Отзвуки их, проникшие затем и в художественную литературу XIX в., воспринимаются в полунаучной публицистике иногда как самостоятельные исторические источники. См., например: Каратеев М. Род Рюрика // Возрождение. Париж, 1968. № 200 (а также "роман=эссе" В.А.Чивилихина и др.).

16 См.: Гильфердинг А.Ф. Борьба славян с немцами на Балтийском поморье в средние века // Гильфердинг А. Собрание сочинений. СПб., 1874. Т. 4. С. 287-299.

17 См.: Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. I. С.107-113.

18 См.: Лавровский П.А. Исследование о летописи Якимовской. СПб., 1855. К первой половине ХУШ столетия относит окончательное оформление текста, попавшего в руки Татищева, В.И.Вышегородцев (см.: Вышегородцев В.И. Иоакимовская летопись как историко-культурное явление. Автореферат. канд. дисс. М., 1986).

19 См.: Янин В.Л. Летописные рассказы о крещении новгородцев // Русский город. Исследования и материалы. М., 1984. Вып.7. С.40-56.

20 См.: Saga Þiðriks konungs af Bern / Udgivet af C.R.Unger. Christiania, 1853. (Подробнее об этом в статье: Азбелев С.Н. Князь Владимир и Илья Муромец // Русская речь. 1993. № 6).

21 Привожу полный текст по Иоакимовской летописи: "Гостомысл имел четыре сына и три дщере. Сынове его ово на войнах избиени, ово в дому изомроша, и не остася ни единому им сына, а дщери выданы быша суседним князем в жены. И бысть Гостомыслу и людем о сем печаль тяжка, иде Гостомысл в Колмогард вопросити боги о наследии, и, возшед на высокая, принесе жертвы многи и весчуны угобзи. Весчуны же отвесчаша ему, яко боги обесчают дати ему наследие от ложесн его. Но Гостомысл не ят сему веры, зане стар бе и жены его не раждаху, посла паки в Зимеголы к весчунам вопросити, и ти реша, яко имать наследовати от своих ему. Он же ни сему веры не ят, пребываше в печали. Единою спясчу ему о полудни виде сон, яко из чрева средние дщери его Умилы произрасте древо велико плодовито и покры весь град великий, от плод же его насысчахуся людие всея земли. Востав же от сна, призва весчуны, да изложат ему сон сей. Они же реша: "От сынов ея имать наследити ему, и земля угобзится княжением его". И вси радовахуся о сем, еже не имать наследити сын большия дщере, за-

не негож бе. Гостомысл же, видя конец живота своего, созва вся старейшины земли от славян, руси, чуди, веси, мери, кривич и дрягович, яви им сновидение и посла избраннейшия в варяги просити князя. И приидоша по смерти Гостомысла Рюрик со двема браты и роды ею" (Татищев В.Н. История Российская. Т. I. С. 110). "Угобьзити" - насытить; "угобьзитися" - процвести, возвеличиться (см.: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1903. Т. 3. Стб. 1134).

22 Шахматов А.А. Повесть временных лет. С. 19.

23 См., например: Annales Hildesheimenses / Ed. G.Waitz. Hannoverae, 1878. P. 17; Annales Xantenses // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. Hannoverae, 1829. T. 2. P. 844; Annales Quedlinburgensis // Ibid. 1839. T. 3. P. 46; Annales Weissemburgensis, Lamberti Annales // Ibid. P. 47.

24 См.: Krug Ph. Forschungen in der älteren Geschihte Russlands. St.Petersburg, 1848. Th. I. S. 127.

25 См.: Annales Fuldenses / Ed. F.Kurze. Hannoverae, 1891. P. 35.

26 См., например: Гильфердинг А.Ф. Борьба славян... С. 285-286.

27 См.: Крузе Ф. О происхождении Рюрика. С. 71.

28 Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 71.

29 Там же. С. 72. Ср.: с. 107.

30 От эпических генеалогий необходимо отличать генеалогии фантастические, не миновавшие, к сожалению, вопроса о Рюрике. Уже Н.М.Карамзин (не сомневавшийся в его скандинавском происхождении) высмеивал плоды историографических фантазий в "Истори Шведского государства" Олофа Далина, в частности, его утверждение, что Рюрик - это швед Эрик Биэрнсон. Однако русский перевод сочинения Далина Р.Цебриковым, напечатанный в 1805-1807 гг., недавно послужил "основанием" публицистического выступления о генеалогии Рюрика в газете "Петербургский литератор" (1992. № 4 и 5). Ср.: Карамзин Н.М. История государства российского. М., 1988. Кн. I (т. 1-4), примечания к I-му тому, с. 46 (примеч. 106).